

От автора

Прошу читателей учесть, что это в первую очередь книга, а не справочник по Дагестану. Все происходящее в романе — плод моего воображения. Я не ставлю перед собой цель очернить или обелить малую родину. Моя задача — рассказать историю.

Хочу также извиниться — по крайней мере, перед своей республикой и дорогими мне людьми — за мат. Я обязательно избавлюсь от него в тексте — сразу после того, как от него избавятся в речи. Брань — важный инструмент достоверности в рассказываемой мной истории, а к достоверности стремится каждый уважающий себя автор.

Часть 1

Иногда я делаю вид... точнее, пытаюсь обмануть себя, будто совсем не помню тот день. Это произошло восемь лет назад. Мне было двадцать два года, и я отчаянно пытался попасть в штат государственного новостного агентства с не самым креативным названием «Главные новости». Оно было и остается третьим по масштабу источником информации в республике. За три месяца до того дня «Главным новостям» урезали бюджет. Пришлось прикрыть газету, и руководство решило, что настало время существенно изменить формат. «Главные новости» отошли от классических печатных СМИ в сторону сайта и онлайн-взаимодействия с читателями (конкурсы, интеллектуальные игры и прочее, помимо новостей Дагестана), а еще в некоторой степени превратились в желтую прессу, так как выделили целую колонку под слухи, скандалы и интриги.

В целом, стоит признать, решение было хорошим. От пяти тысяч ежедневных посещений за эти несколько месяцев сайт добрался до двадцати тысяч. А потому руководство решило, что нужно клепать много, очень много контента (надо сказать, не всегда высокого качества). И для таких вот нехитрых целей нанимались внештатные информационные рабы, готовые ухватиться за любую возможность, лишь бы быть напечатанными, лишь бы засветиться мордашкой на сайте и, если очень повезет, по программе сотрудничества с главным региональным каналом попасть на экран телика.

Грезил этим и я. Точнее, стремился зарекомендовать себя в качестве профессионала.

Именно поэтому 17 января 2014 года я встал в 4:30 утра и через час выехал на отцовской машине в аварское горное село одного из районов республики.

За отдел искателей приключений (так между собой называли внештатников) отвечал Амир Алиаматов, и он предложил мне написать статью о золотодобытчике-любителе Каримуле Наурбиеве. Тот объявил, что нашел на холме близ своего села золото. Представил доказательства, достаточно

весомые — землю с едва заметными частичками золотой руды. То есть прямо притащил в пакете и вывалил на стол перед главой района землю с золотой стружкой, и фотография этого разлетелась по всей стране. Холм, на котором было найдено золото, принадлежал двоюродному брату его жены. Российские золотодобывающие компании проявили интерес, а умный парень Каримула, естественно, сразу предложил выкупить эту землю. Ну и завертелось.

Меня попросили просто осветить ход дела и по возможности взять у кого-нибудь — в идеале у самого гениального золотодобытчика — интервью. Недельку-другую назад там уже побывали старшие и — к моей зависти — штатные сотрудники, они планировали вернуться туда в случае какого-либо прорыва, а я просто должен был рассказать о промежуточных успехах. Если они есть. По слухам, какие-то процессы пару дней назад там пошли.

Ближе к обеду по заснеженным дорогам, полным лавиноопасных участков, я добрался до села, узнал у местного населения, как попасть к месту добычи, обещавшей обогатить каждого жителя, и мне указали дорогу, но не прямо, а вверх — надо было подняться к самой высокой точке села, а затем на снежный холм, на другой стороне которого нескончаемые золотые источники ждали своего покупателя, как выразился сам товарищ Наурбиев, поблескивая в доказательство золотым зубом на всех телеэкранах республики. Нет смысла говорить, что у машины не было шансов осилить дорогу к золотым источникам. Я решил оставить ее в центре села, до которого она и так еле-еле доползла без участия пары крепких мужиков, почти не говоривших на великом и могучем.

В процессе подъема на своих двоих я вспомнил, что собирался на днях начать заниматься спортом. Или это было не на днях... Может, на неделях или на месяцах... Так или иначе, после подъема бедра у меня уже ныли по полной, а поясница требовала, чтобы я присел на часок-другой, но

было негде. Два дня назад снегопад засыпал все вокруг полуметровым слоем и, судя по ухудшению погоды, грозил возобновиться, так что я надеялся управиться очень быстро и успеть вернуться в Махачкалу. А еще я запарился тащить сумку с камерой и штативом, которые в совокупности весили около восьми килограммов.

С верхушки села я увидел холм, размеры которого меня не обрадовали. Хорошо хоть, более осведомленные парни подсказали, что можно пойти в обход. Я потопал по свежим следам на снегу (их было подозрительно много, будто все село подключилось к работе), которые указывали маршрут золотодобытчиков. И наконец еще минут через десять страданий я оказался в нужном месте — источнике вечной славы и богатств, ну и все в таком духе. На самом деле я и еще десяток людей, включая сотрудников полиции, будто под гипнозом смотрели, как дерутся два мужика. Если быть точным, они катались по снегу, отчаянно пытались лупить друг друга кулаками, пинать ногами, но снег, их толстая одежка и в целом округлые формы делали эту картину скорее смешной. Два телепузика наносили друг другу больше вреда аварским матом, чем кулаками. Иногда между этнической бранью проскальзывали неуклюжие русские словечки, но суть конфликта мне была не ясна. Когда полицейским надоело, они решили лениво (как судьи в хоккее) подключиться. Драчуны продолжали друг друга материть (хоть диалект был другой, я более-менее понял, кто и что хотел сделать с мамой своего оппонента). А еще мужики обзывались жуликами и подонками и высказывали сомнения в законнорожденности друг друга. Влившись в коллектив зевак, я минут пятнадцать слушал их выкрики, иногда кивая, будто все понимал. Сойти за местного, держа на плече камеру, у меня не получилось, но вроде бы никто при виде незнакомца особо не напрягся. Вот что я понял: товарищ золотоискатель Каримула подделал следы наличия золота, переплавив золотые запасы

своего семейства (собственно, Каримула дрался с тем самым двоюродным братом своей жены, который, по его словам, с самого начала был против этой задумки) и превратив их в достаточно убедительные частицы золотой руды. Перемешал их с землей своего родственника и сел на скамейку в ожидании покупателей, а в руках держал табличку с ценником на землю: двадцать семь миллионов рублей — как он высчитал эту сумму, я так и не понял. Компании все же поостереглись совершать покупку сразу и отправили золотце на экспертизу куда-то на Урал, а затем итоги своего исследования передали полиции. Оказалось, что это стандартная ситуация и жулики довольно часто пытаются проверить такое с крупными компаниями. Стоя там, в эпицентре драмы, я поражался тому, насколько это охренительная история как для репортажа, так и для какого-нибудь фильма.

А когда эмоции слегка поулеглись, вспомнил историю одного, если не ошибаюсь, филиппинца, который похожим способом в девяностых надурил золотодобывающих гигантов Азии, заработал на этом сотни миллионов долларов, а затем, когда все выяснилось, скрылся где-то в Штатах. Правда, его история закончилась печально. Каким-то образом филиппинская мафия, которой он задолжал, вернула бедолагу на родину, посадила его в самолет с предложением посмотреть с высоты на родную землю, а по приземлении золотодобытчика не досчитались. Туристы в том же году нашли в джунглях мешок с гниющим расчлененным телом.

Отечественному мошеннику повезло больше (думаю, ему и самому стало бы легче на душе, если бы кто-нибудь рассказал ему историю с мешком). Каримуле дали еще минут десять поорать, а затем, когда стало ясно, что добровольно проследовать в районный отдел полиции он не планирует, заломили ему руки и увели в село.

Они прошли совсем рядом со мной, и я, будучи довольно смекалистым репортером-любителем, уже приготовил

камеру, чтобы взять у мошенника хоть какой-нибудь комментарий, но сотрудники полиции, один из которых приходился Каримуле двоюродным братом (это дагестанское село, тут все друг другу какие-нибудь да братья), пообещали потерять меня в этих самодельных шахтах. Разделать и запихать в мешок не пообещали, но общий смысл до меня дошел.

Чтобы уж совсем не остаться без комментариев очевидцев, я пробежался по родственникам и зевакам, каждый желающий попасть в телик, предварительно спросив, где его будут показывать, высказал свое мнение (иногда не только по поводу золота, но и по поводу меня «с этой долбаной камерой»), и напоследок я поснимал импровизированную золоторудную шахту и тоже направился в сторону села. Мимо меня пробежали несколько сельских парней с лопатами — вероятно, эти парни не оставили надежды разбогатеть или точно знали, куда Каримула высыпал остатки семейного богатства.

А я сел в машину и известил начальство в лице Алиаматова о том, что увидел и что успел поснимать. Получив добро, развернулся и поехал прочь из села, твердо веря, что ближе к вечеру окажусь дома. За ночь накидаю сырой монтаж и покажу миру настоящую детективную (если хорошо поработать над звуковым сопровождением) историю. Стоит признать, что детективная история получилась на славу. Правда, другая.

Оказавшись на шоссе, я написал бывшей однокласснице, что хочу пригласить ее на свидание — попить кофе и посмотреть на заснеженную Махачкалу. В том году уже стало очевидно, что в ближайшем будущем снег начнет все реже заглядывать в столицу, так что я не хотел упустить возможность. Мне нравился снег — до того дня.

Кроме того, мне нравилась Камилла — еще в универе, и года через два-три мы вполне могли бы сыграть свадьбу. Для этого, конечно, я должен был стать штатным сотрудником «Главных новостей» и получать официальную зарплату

в скромные восемнадцать тысяч рублей за вычетом налогов, и потому я готов был мотаться по всей республике и снимать не только фальшивых золотодобытчиков, но и фальшивое семейство инвалидов (включавшее главу села и не менее двадцати его родственников), сюжет о которых я делал на прошлой неделе и чуть не лишился отцовской машины, когда эти самые родственники пообещали скинуть ее в реку, если я и камера (которую периодически обещали затолкать мне в зад) не потеряемся из села. В общем, такой у меня был план на жизнь, и все в принципе шло по этому плану, пока я не увидел намек (которого не понял) и не получил судьбоносный звонок.

Намеком на то, что дело неладно, были две машины ППС, которые довольно рискованно, учитывая снег и обрыв с нашей стороны, обогнали меня. Вначале я подумал, что это хвост конвоя, везущего моего мошенника, но зачем на такой скорости и с сиренами меня обгонять? На ближайшем перекрестке машины свернули в сторону села, стоявшего на горе, которая со всех сторон, кроме въезда, омывалась рекой, а я поехал дальше, и уже через мгновение раздался звонок моего мобильного.

— Да?

— Арсен, ты выехал? — сразу спросил меня шеф.

По голосу я понял, что он слегка напряжен.

— Да, думаю, часа через четыре буду в городе. До утра сброшу материал.

— Слушай меня. Ты скоро проедешь рядом с одним селом, с правой стороны от тебя. Называется...

— Только что проехал, — ответил я, глядя на село N.

— Разворачивайся, тебе надо туда. Только что звонила помощница главы села, без палева. Говорит, там случилось кое-что страшное. Ближе всех у нас ты, так что вперед, это твой шанс. За плату не парься. Туда уже летят чужие, но нам охренительно повезло, что погода портится и это задержит

их, а еще больше повезло, что ты там. Так что у тебя в запасе минимум полтора часа, чтобы дать нам что-нибудь стоящее. Хоть фотографии, хоть что-нибудь, понял?

— Да. Она не сказала, что там случилось? — спросил я, сразу загоревшись.

Мой шеф был человеком честным, и если впервые за пару месяцев моего рабства он сказал, что это мой шанс, значит, так и есть. Сама судьба велела мне оказаться в правильном месте в правильное время.

— Нет, говорит, глава закрылся в кабинете с начальником районного МВД, в село съезжаются сотрудники со всего района. Походу, там что-то очень серьезное.

— Да, только что рядом со мной пролетели уазики, — сказал я и, аккуратно развернувшись, поехал обратно. — Были какие-то нервные.

— Не знаю, Арсен, о чем речь, может, контртеррористические дела, может, какая-то перепалка, которая перешла в серьезные разборки, а может, и какая-нибудь шляпа. Без понятия. Твое дело разобраться, пацан. Ты у нас на хорошем счету, так что действуй.

— Понял. На связи. — Я отключился и свернул на перекрестке в село N.

«Ты у нас на хорошем счету», — повторил я вслух. Ну, в целом я понимал, что так оно и есть. Вроде не дурак, машина имеется на случай чего, хорош собой (по словам мамы), так что шансы на прорыв у меня были неплохими. Нужен был лишь правильный материал.

На въезде, будто по щелчку, асфальт сменился щебенкой. Это была главная и единственная твердая дорога села N, и я решил, что сделана она силами местных жителей. Вероятно, жители столкнулись с немалым количеством проблем в процессе ее засыпки. Учитывая, что это главная дорога, скинуться должны были все сельчане, а не только те, кто живет вдоль нее, а поскольку это обычное маленькое горное село хозяйств в триста без каких-либо предприятий рядом,

люди здесь должны быть не особо зажиточными. Это означало множество конфликтов из-за того, кто сколько денег даст на дорогу. Так было и у нас. Мы так же, не дождавшись помощи руководства республики, засыпали щебенкой дорогу в нашем дачном товариществе. Отец, как самый бойкий в поселке, взялся проконтролировать строительство и съел на этом собаку. Четверть владельцев дач (весьма неплохо живущих) отказались платить, всячески отмазываясь, половина задержала плату на полгода, а четверть решила «подумать», и пришлось кое-как доводить дорогу до ума своими силами. Руководство города, оценив внимание со стороны блогерского сообщества (тут уже я постарался), подключилось в последний момент и наградило улицу фонарными столбами, осветив таким образом пользу, которую оно приносит простому дачному люду.

Я думал о дороге не просто так и даже в некоторой степени не по своей воле. Причиной тому было мое отклонение (как я сам это называю), но родители считали, что это просто особенность моего характера. Я постоянно искал задачи, тайны, задавал в детстве тысячу вопросов, мама называла меня Знаточик (это выросло из Любознайчика, который, в свою очередь, вырос из Зайчика), и, к моему сожалению, такой склад ума решил не просто сделаться частью меня, но полноправно встать у штурвала. В целом ничего такого, но не у всех знакомых получалось меня переваривать, так как моя особенность иногда, а точнее в моменты, когда я бывал заинтригован, превращала меня в жуткого пристава, задавателя тысячи вопросов и, естественно, выбешивала горячих обладателей дагестанского более сдержанного, если так можно выразиться, склада ума. Кино со мной смотреть точно было нельзя, так как удержаться от комментариев я никогда не мог. И хотелось бы сказать, что это помогало мне в профессиональной деятельности — в поиске ответов на мои же вопросы, но, скорее, это выливалось в описанные мною выше ситуации (обещания потерять меня в лесу, выбросить

отцовскую машину со мной в багажнике в реку и прочее). Спустя три месяца активной работы внештатным репортером я понял, что хорошо быть в Дагестане журналистом, которому не нужно заниматься журналистикой. Выполняй себе заказы руководства республики, рассказывай о хорошем начальнике Магомедове (который нравится руководству республики), о жулике Магомедове (который не нравится руководству республики) и не забудь про Магомедова, а точнее троих Магомедовых, которые победили в чемпионате России по борьбе. И никто не думает о Магомедове, который пытался продать часть холма за двадцать семь миллионов рублей. Никто, кроме меня, а точнее моего руководства, которое хотя бы попыталось создать видимость журналистской работы. Вероятно, это потому, что мы получили только третий по размеру кусок республиканского информационного бюджета, иначе такие, как я, скорее всего, не были бы нужны.

Ну а пока просмотры, комментарии и лайки правили бал, а значит, и я все еще был востребован. Как настоящий журналист, я сразу почуял запах славы, когда мне сообщили о новом деле. Кто знает, быть может, оно и есть то самое дело, благодаря которому я получу не только место в штате, обогнав тринадцать-семнадцать человек (как меня не то мотивировал, не то пугал шеф), но и славу репортера, который занимается настоящей журналистской деятельностью, ведет опасные и интересные расследования. Однако если быть до конца честным, то каждый раз, получая новое дело, я думал: «ВОТ ОНО, ТО САМОЕ ДЕЛО, ЧТО ПРОСЛАВИТ МЕНЯ!» — а по факту оказывалось, что мусорные баки в Кяхулае жег внук одной бабули, решившей в битве за экологию республики (да и мира в целом) спалить весь пластик, который собирался в таких же пластиковых баках. Разок другой я даже думал, как было бы круто найти в одном из мусорных контейнеров чей-нибудь труп, и тогда моя карьера получила бы тот самый заветный импульс, но это были лишь мечты, мимолетные мысли, которые я быстро отгонял.

Село N, как я уже сказал, находилось в горах, точнее на склоне горы. Несколько сотен хозяйств — на весьма неровном и, кто-то даже сказал бы, опасном пространстве. Некоторые дома стояли на краю обрыва, что, несмотря на постоянные оползни, довольно привычно для Дагестана. Конечно же, я увидел здесь и свою «излюбленную» картину: поток, несущий мусор — пластик и разлагающиеся органические отходы, — стекающий с обрыва вниз, в ущелье, дно которого облизывала бурная река (в тот день почти уже замерзшая), в свою очередь подхватывавшая этот мусор. То, что плавает, уходило вниз по течению, чтобы осесть где-нибудь в Аварском Койсу, а то, что не плавает... то не плавает. Я подумал о трупе, который можно было сбросить в этот мусорный обрыв, и это стало бы началом прекрасной (даже кинематографичной) истории о зверском убийстве и новичке-журналисте, который в конце, рискуя собой, поймает дворецкого. Ну или какого-нибудь чабана, если рассуждать в кавказском контексте.

Потом я увидел нескольких жителей села, что-то мрачно обсуждавших, стоя у столба, но в целом вокруг было не слишком оживленно. Мне на ум пришли две версии: либо в этот холодный зимний день жители просто сидели по домам, либо они где-то скопились. Второе сулило хороший репортаж, ведь не будет же все село собираться где-то из-за мелкого дела. А еще не будет уже третья машина ППС бесцеремонно меня обгонять. Я, естественно, поехал за ними.

Сворачивать с главной дороги никуда не пришлось. Мы просто проехали в конец села, и я увидел скопление из нескольких сотен человек, смотревших в сторону дома, который стоял немного поодаль, на возвышенности. Жителей туда не пускали три сотрудника полиции.

Толпа раздвинулась четко посередине, давая возможность машине ППС проехать. Я припарковался позади, взял свое снаряжение и вошел в толпу. Местные жители

переговаривались, лица их были задумчивы, потерянные взгляды бегали по лицам стоящих рядом, несколько женщин плакали в сторонке. Дедули читали молитвы, и делали это очень напряженно. Кто-то кого-то проклинал. Из услышанного я понял, что в том отдаленном доме произошла какая-то трагедия, есть жертвы, но никто никому ничего больше не говорит. Пожалуй, лучшие (или худшие, тут уж как посмотреть) ожидания оправдывались. Видимо, тело все-таки есть. Зазвонил мой телефон.

— Ну как? — сразу спросил меня шеф.

— Вот пытаюсь пробиться через толпу, — заговорил я тихо. Обычно в подобных местах человек, говорящий на русском языке, да еще и без акцента, и с камерой наперевес, привлекает много косых взглядов, тем более в такой нервной обстановке. — Здесь что-то случилось, вроде кто-то умер.

— Умер или убит? — переспросил шеф, и я сразу понял, что его информация обновилась.

— Непонятно, но жертвы есть. Женщины плачут, да и в целом тут не очень приятная обстановка. Я бы даже сказал, мрачно-тревожная.

— Дом жертвы видишь? Он на возвышенности, должен выглядеть богато на фоне остальных. Мне так объяснили.

— Богато? — Я оценил дом издалека. — Ну да, богато. Сейчас попытаюсь пройти сквозь сотrudников.

Аккуратно проталкиваясь, я подошел к полицейскому, который сразу остановил меня, подняв ладонь, и задал мне вопрос на аварском. Будучи представителем той же национальности, вопрос я понял, но не хотел блистать знанием родного языка, поскольку блистать, в принципе, было нечем, и поэтому сказал:

— Новости. Нас вызвали, — и уверенно кивнул в сторону дома. Иногда это прокатывало, вот я и понадеялся, что с горским полицейским тоже прокатит, но он с сильнейшим акцентом спросил:

— Кто вызвал?

А на этот вопрос всегда трудно отвечать.

— Ну, вызвали канал, я представитель новостной службы, журналист. Сказали, что-то случилось, — объяснил я ему как-то скомканно.

Мужик смотрел на меня пустым взглядом с едва заметным проблеском задумчивости, затем поднял ко рту рацию и пробурчал что-то. Получил, как мне показалось, отрицательный ответ. Потом опять что-то сказал и получил еще более эмоциональный ответ. Учитывая плохое звучание рации и диалект, я почти ничего не понял, хоть и относясь к поколению «так-то я все понимаю, но говорить не могу».

— Документал ругиш? — спросил он.

Я, поняв вопрос, мысленно обозвал его и разозлился на шефа, у которого как минимум три раза пытался выклянчить какую-нибудь временную корочку, что заметно облегчило бы мне попадание в труднодоступные места, но всегда получал отказ.

— С собой нет, — ответил я.

— Тогда вход тоже нет, — сказал он и, утратив к моей скромной персоне интерес, устремил взгляд на толпу.

Из человека хоть что-то значащего я превратился в ничего не значащую букашку.

«Гребаные документы!» — выругался мысленно я.

— Что у тебя? — спросил шеф.

Я собирался ему ответить, но тут как будто громом меня оглушил матерный крик одного из мужиков. С глазами, полными искренней злобы к полиции, этот тип с длиннющей густой бородой пошел в сторону сотрудника, с которым я говорил. К тому быстро подоспела подмога, и дальше все стало развиваться по классическому дагестанскому сценарию: крики, никто никого не слышит, угрозы оружием и все такое. Я отошел от толпы, прикрыв ладонью ухо, в котором эхом отдавались крепкие словечки, затем прозвучал выстрел,

от которого я подскочил. Толпа без особого страха и, я бы даже сказал, лениво чуть отступила, а сотрудник, опять взяв рацию, принялся объяснять, зачем стрелял в небо.

— Что за шум?

— Тут недовольная толпа. Походу, родственники. Полицейский сделал предупредительный выстрел. А им хоть бы что.

— Тебя пропустили внутрь?

— Нет! Амир Алиаматович, ну вот реально, я же тысячу раз просил вас сделать эти документы! Я бы уже был внутри.

— Вот так и бывает, — буркнул Амир Алиаматович. — Хорошо. Так-с, там есть какое-нибудь здание администрации или типа того?

— Не знаю. Это же маленькое село. Сейчас. — Я направился к импровизированному гадекану, который расположился на скамейке подальше от толпы. Про себя я надеялся, что кто-то там говорит на русском языке, но, уже подойдя, осознал, что собираюсь задать максимально простой вопрос: — Администрация?

Дедушки переглянулись друг с другом. Один из них, в старенькой черкеске, слегка приподнял свою трость, кивком указал направление вдоль главной улицы и сказал:

— Баг|ар крышц.

— Спасибо, — ответил я, увидев одноэтажный дом с красной крышей, ничем не выделявшийся среди остальных домов, кроме решеток на окнах. В телефон я доложил: — Нашел.

— Иди туда, там по-любому должны быть интернет и принтер. Сейчас придумаем тебе документы. Будешь нашим штатным работником.

— Вот это другое дело, — обрадовался я.

— Особо не обольщайся. Это только на сегодняшний день, раз уж в такой дыре никого больше нет. И это левая бумажка, как выйдешь из села, избавься от нее. Не создавай мне проблем.

— Я понял, — сказал я, но улыбка с моего лица все равно не пропала. Кушать торт не дают, зато получится пальцем отхватить немного крема.

— Сбрось мне их почту.

Я вошел в здание. Представился милой бабуле, которая вполне себе неплохо говорила по-русски, что меня неожиданно обрадовало. Спросил их почту, она протянула мне бумажку с адресом. В ответ на вопрос о принтере бабуля бросила безнадежно грустный взгляд под соседний стол, где стоял пыльный белый куб, и объяснила, что он уже неделю как не работает. Время шло, и я, человек, чудом получивший фору как минимум в полтора часа, четко это осознавал. Мой эксклюзив мог накрыться в любую минуту, если бы какой-нибудь мужик из числа сотрудников полиции щелкнул на телефон место преступления и дал хоть какой-нибудь комментарий по делу. Вообще чудом было, что до сих пор в сети не появилось ни одного кадра. Так что же там, в конце концов, случилось?

Я поставил принтер на стол, покопался в проводах, все в целом было рабочее. При соединении с компьютером оказалось, что последний не видит принтера, поэтому я быстро переустановил драйверы, и все заработало как надо. Мои липовые документы тоже пришли вовремя. Я быстро их распечатал, приложил к ним паспорт и пошел на второй раунд со знакомым сотрудником полиции.

— В машине лежали, — объяснил я.

Посмотрев на мои бумажки, он буркнул что-то в рацию, через секунду получил ответ «Давай», и я оказался в числе избранных. Предстояло по слякоти подняться к дому, в котором что-то произошло. За спиной я услышал выкрики местных жителей, возмущенных тем, что меня пропустили, но зато я, возможно впервые в своей профессиональной жизни, ощутил себя настоящим журналистом, особенным, тем, кому даже горские дагестанские полицейские (мало

знакомые с законом) не помеха. Остановившись на половине пути, я вынул из сумки камеру и штатив, снял несколько панорамных кадров села, окружавших его высоченных гор и дом, у входа в который стояли еще два сотрудника.

Вблизи дом еще больше соответствовал обозначенным параметрам. Это не был миниатюрный замок, который можно найти в каждом селе республики. (Для того чтобы построить такой, надо было отхватить кое-что из бюджета республики и вовремя выйти из игры. В то время разбогатеть таким образом было легко, но вот вовремя выйти из игры — тяжело.) Но это был дом человека, который наверняка имел неплохой доход. И здание, и прилегающий небольшой участок ограждала недостроенная стена из шлакоблоков, и по обстановке во дворе мне показалось, что строительство началось недавно. Облицовка дома из золотистого мелкого кирпича смотрелась очень креативно для этих мест. Хозяева обладали чувством стиля, ну или хотя бы имели свое видение того, каким может быть дом в горах. Во дворе был припаркован «ленд-круизер». Я не слишком разбирался в машинах, поэтому не мог сказать, насколько крутой была модель, но сам факт наличия «ленд-круизера» тоже говорил о том, что хозяин этого дома не самый простой человек. В Дагестане тех лет владение большой — в прямом смысле слова — машиной служило показателем респектабельности. Большой дом, большая машина, большой живот, больше большого... Там же, во дворе, я увидел новенькие кованые ворота с потрясным узором в виде двуглавого льва, которые ждали завершения постройки стены. Сразу промелькнула мысль, что, если бы хозяева успели достроить стену и поставить ворота, возможно, случившегося удалось бы избежать.

«Так, а что случилось-то?» — подумал я, остановившись в центре двора.

Ко мне навстречу шли оба полицейских с автоматами наперевес, охранявшие вход. Они едва слышно переговаривались на аварском. Я подумал, что, раз уж мне удалось

попасть на место преступления, значит, я не так прост, как может показаться с виду, посему надо вести себя капельку уверенней, даже если у меня нет большого живота (но с лихвой хватает любопытства). Я поставил штатив на землю и начал первый:

— Салам алейкум. «Главные новости», Арсен Абдулкери-мов, — и поднял вровень с лицом мои околоофициальные документы, но парни не обратили на них особого внимания.

— Ваалейкум салам, — ответил один, тот, что постарше, расставив ноги немного шире плеч, и вскинул голову так, чтобы я мог оценить его бычьей шеей. Ну или мне просто так показалось.

Затем он сказал на родном своему напарнику что-то вроде «скажи кому-то, что этот пришел», и второй направился в дом. «Этим», походу, был я, а кем был «тот», я понятия не имел, но существовала вероятность, что они зовут самого главного, и я был этому рад, поскольку не хотелось выглядеть выскочкой, который сам попросил позвать старшего.

Мы простояли молча секунд десять, глядя друг другу в глаза, и мне, как знатному болтуну, эти десять секунд показались десятию минутами. Не знаю зачем, я вдруг спросил у Бычьей шеи:

— Ну как? — Под этим вопросом я не имел в виду ничего. В смысле вообще ничего. Я просто сказал то, что сказал, не интересуясь ни его состоянием, ни происходящим вокруг, вообще ничем, и получил ответ:

— Пиздец. — Полицейский покачал головой и отвернулся от меня.

Я подумал, что я идиот.

В этот момент откуда-то из глубины дома раздался громкий женский не то плач, не то вой, и этот звук будто поглотил все вокруг и эхом пробежал по селу и горам, его окружавшим. Сотрудник опустил глаза, и его надменная гримаса сменилась скорбью. Едва слышно он повторил:

— Пиздец ебанный. Вот как.

Из дома вышел мужчина в черной кожаной куртке, из-под которой виднелась белая рубашка, в темных брюках, с легкой щетиной на лице. На вид ему было лет сорок пять, но, возможно, так казалось из-за пивного живота. Он был ниже меня, где-то сто семьдесят пять сантиметров роста. Бросив на меня почти звериный взгляд, он вытащил сигареты, закурил одну и пошел в мою сторону.

— Салам алейкум, Арсен Абдулкеримов, «Главные новости». — Я протянул ему руку.

— Как быстро, — усмехнулся он, качнув головой в сторону. — Ну, блядь, как, сука, быстро... Ваалейкум ассалам, — ответил он, не пытаясь хотя бы немного скрыть раздражение.

Я протянул документы, он бесцеремонно их выхватил, посмотрел на фото, затем на меня, затем опять на фото и вернул их мне.

— И?

— Я понимаю, что вы заняты, поэтому я бы хотел получить максимально быстро краткий комментарий по поводу того, что произошло, во всех деталях. И сделать подсьемку и пару фоток.

— Кратко и во всех деталях? — переспросил он, опять усмехнувшись, но улыбки на лице не было.

— Да.

— Так, пацан, отойди-ка отсюда, — сказал он и указал мне на невидимую границу, где планировалось возвести стену. Развернулся, бросил через плечо: — Пиздец! — и пошел обратно в дом.

— Вы отказываетесь от помощи, которую мы можем вам оказать?

— Какую, на хуй, помощь ты можешь мне оказать?! — заорал он на меня. — Там в доме плачет бабушка, которая потеряла сына и трех внучек, и я не знаю, как попросить ее, чтобы она покинула место преступления и дала нормально

работать моей команде! Чем ты сможешь мне, а?! Иди, блядь, попроси ее, чтобы она вышла! Иди объясни ей, что мы должны взять некоторые вещи ее внучек! — Он замолчал в ожидании, что я отвечу на его вопросы.

Я ничего не ответил, потому что растерялся от услышанного. Мой мозг отказался принимать и обрабатывать новую информацию. Мужик слегка успокоился, и мне показалось, что он почувствовал себя виноватым, а может, просто наконец нашел козла отпущения.

— Сука... — пробурчал он себе под нос, потом потер лоб и добавил: — Пацан, просто не мешай. Сними, что надо, отсюда, и все. Вот тебе дом, — он указал себе за спину, — вот тебе село, — он указал за спину мне. — Что еще? Щелкни участкового и улетучься отсюда.

Следователь (как я понял, это был он) скрылся в доме, где, оказывается, произошло зверское убийство. Я, еле перебирая ногами, отошел и присел на самодельную скамейку из шлакоблоков, рядом с которой из земли торчала пластиковая труба с краном на конце.

Чтобы выстроить полную картину события, надо было точно вспомнить слова следователя. Он сказал, что в доме плачет бабушка, которая потеряла сына и внуков. Или внучек? Четыре или пять жертв? Но не факт, что их убили. Кто и для чего в горах будет убивать целое семейство? Вероятнее всего, речь идет об отравлении газом. Такое редко, но случается.

— Куришь? — спросил у меня внезапно оказавшийся рядом полицейский.

— Бросил, — ответил я.

Не знаю, почему именно так, ведь я даже не начинал, но, возможно, я сказал это, чтобы придать себе хоть какой-то вес в глазах других. Ведь если они не уважают мою профессию, то могли бы уважать хотя бы за то, что у меня хватило силы воли бросить курить. Да и в целом после слова «бросил» я ощутил себя человеком с какой-то сложной историей,

такой, что жизнь вначале вынудила закурить, а затем я, победив обстоятельства, покончил с пагубной привычкой.

— Молодец, — сказал мужик.

Я поднял на него глаза, а он, наоборот, отвел от меня взгляд и посмотрел на село, которое лежало перед нами как на ладони. Это был худощавый высокий мужчина лет пятидесяти, если судить по седым усам. Волосы его были скрыты под шапкой, но за ушами можно было заметить кончики седых прядей. Он подозвал на родном языке молодого полицейского, что-то сказал ему, и тот сунул старшему несколько сигарет и зажигалку. Потом мужик произнес как будто про себя, но так, чтобы услышал и я:

— Я тоже, но как тут не закуришь... — Он улыбнулся, но это была грустная улыбка. — Сам откуда?

— Из Махачкалы.

— Быстро ты! — бросил он слегка удивленно.

— Я был тут проездом.

— Понятно. — Полицейский смачно затянулся и выпустил белый дым, который слился с паром от его же дыхания.

Я тоже сделал глубокий вдох и выдохнул, чтобы посмотреть на пар. И вправду, как будто курю. Я всегда хотел курить, тяжело это объяснить, но я считал это крутым. Это не наивные детские мысли, будто курят только взрослые и для того, чтобы повзрослеть, и я должен курить. Нет. Я понял это к двадцати. У меня не было особенно нервной работы, чтобы захотеть курить, мне просто всегда нравился образ задумчивого курящего мужика. Эдакий классический детектив в плаще, глядящий на какой-нибудь ночной Чикаго и размышляющий об очередном раскрытом деле. Не то что тот жирный засранец в кожаной куртке из девяностых.

Полицейский протянул мне руку:

— Алиев Каримдин, участковый.

— Арсен, — ответил я, вставая со скамьи.

Было бы неплохо взять у него комментарий на камеру, но мне не хотелось показаться слишком невежливым. Этот

мужик единственный, кто сохранял хоть какой-то позитив с момента, как я приехал в село, и я боялся, что отпугну и его. Кроме того, это даже не село, а горный аул, а значит, всегда есть вероятность, что кто-нибудь приходится родственником кому-нибудь — и жертвам тоже. Я решил пока промолчать.

— Узнал все, что нужно?

— Нет, — ответил я разочарованно. — Ваш следователь... То есть, наверное, он следователь, полный мужик в черной куртке... В общем, меня попросили не мешать работе.

— Заур, — усмехнулся участковый. — Иногда он бывает чуть... ну... сложным, но сейчас его можно понять. Они были товарищами с Хабибом.

— Хабиб — это?.. — спросил я, не зная, что добавить в конце. Убитый? Жертва? Скончавшийся? Не хотелось показать, что я не в курсе событий, ведь это означало бы, что со мной говорить нежелательно, а товарищ участковый мог хотя бы немного приоткрыть завесу тайны. Все, что я должен был, — это делать вид, что осведомлен и нахожусь тут потому, что это моя работа — быть тут. А чем еще заниматься профессиональному журналисту?

— Жертва. Отец, — ответил Каримдин и выбросил сигарету в снег.

Я подумал, какой конкретно надо задать вопрос, чтобы получить ответ и не вызвать подозрений. Я уже понял, что сотрудники не горят желанием со мной беседовать. Если он сказал «жертва», то это, скорее всего, убийство. Значит, надо найти общую тему и, раз мы оба смотрим на село и в особенности на толпу, которую не пускают к нам сотрудники ППС, поговорить о местном люде.

— Он для всех много значил? Хабиб. Раз столько людей собралось и все пытаются сюда пробиться.

— Это же село. Конечно, тут все для всех что-то значат, а если убийство, то понятно, почему сельчане хотят узнать, что происходит. А что я им скажу? Кто-то убил вашего

родственника, соседа, брата и трех его дочерей? И еще как убил. Ты же городской парень, сам по себе?

— Да, — ответил я не сразу, потому что обдумывал сказанное им.

— Тогда не поймешь. Эти люди будут готовы разорвать в клочья любого виновного. А что, если они подумают, что это кто-то из них? Начнут подозревать друг друга? Тут, Арсен, надо делать все аккуратно. Как там говорят у вас?

— Деликатно? — предположил я.

— Эй, журналист, как тебя там? — крикнул вышедший из дома Заур и направился в нашу сторону. — Нужен твой аппарат — сделать пару фоток, дашь на время?

— С фотоаппаратом работаю только я.

Я на него копил полгода, впахивая где только можно, так что отдать его в руки этого мужлана — нет, исключено. Кроме того, это была хорошая возможность стать участником процесса.

— Чё ты ломаешься?! За пять бумаг дашь? Минут на десять. Дорогу завалило. Наш работник будет здесь только ночью, так что у тебя есть возможность заработать хоть на бензин до города. Давай?

— Нет, хотите помощи — я помогу бесплатно, но снимать буду сам.

— Охуеть, — покачал он головой. — Нет, давай иди гуляй отсюда. Пока официального распоряжения не будет, мы никакой информацией ни с кем не делимся. — С этими словами он пошел обратно. — Запир, давай на твой телефон сделаем! Сфоткай, как получится.

Моя надежда поучаствовать в деле таяла с каждым шагом Заура, удалявшегося прочь, и тогда я предложил другой вариант:

— Эй, хорошо. Фотки ваши, перекинете себе все, но фоткаю я сам.

Это предложение заинтересовало Заура, иначе он не остановился бы. Следователь поманил меня рукой, будто

попрошайку, и я, схватив оборудование, быстро к нему по-топал.

— Как тебя?

— Арсен.

— Смотри у меня, братишка, если наебешь меня, я тебя где-нибудь за поворотом закопаю.

— Хорошо, — сказал я.

Супер, еще один обещающий что-нибудь со мной сделать. По части угроз эти ребята креативностью не отличались, но, если честно, я слегка испугался, потому что во взгляде Заура, в отличие от остальных, не было простого желания припугнуть. В нем было что-то искреннее. Будто Заур жаждал придушить что-нибудь живое.

Он пошел к дому, а я за ним, по дороге настраивая фотоаппарат.

— Видео будет? — спросил я.

— Нет, — ответил он и затем резко остановился. Повернулся ко мне и немного нерешительно спросил: — Тебе сколько лет?

— Двадцать пять, — соврал я, потому что быстро понял, к чему этот вопрос.

— Давно работаешь? — спросил он.

— Да, шесть лет, — соврал опять я.

Он едва заметно кивнул как будто сам себе, как будто силой выбил согласие у своей совести, а затем остановился и задал еще один вопрос, на который я, естественно, тоже ответил враньем:

— Тела видел?

— В смысле?

— Ну, мертвых видел? Не мертвых как обычно, а убитых видел? Вживую.

Я слегка призадумался над словосочетанием «мертвых как обычно». Походу, жизнь Заура скучной нельзя было назвать.

— А, да, конечно, — ответил я со знанием дела и даже пошутил, но явно не к месту: — Мертвых вживую видел.

Заур едва заметно закатил глаза, и я решил, что он внутренне прикидывает, не обойтись ли все-таки без меня и моего идиотизма. Но необходимость в фотоаппарате перевесила, и мы пошли дальше.

В голове промелькнули разные ассоциации со словами «убитые», и первое, что я вспомнил, — это фотографии убитых террористов после КТО, так что для уверенности, хоть меня на сей раз никто не просил уточнять, добавил:

— Террористов, бандитов видел. Нормально.

— Хорошо, — кивнул он, и тогда наконец моя мечта сбылась: мы оказались на месте настоящего преступления. Это вам не кража чипсов в супермаркете, это убийство. Это уже серьезная игра, в которую я готов был играть. Точнее, я так думал, пока не вошел в дом.

— Идем вначале сюда, — сказал Заур, предлагая мне сразу из прихожей свернуть в гостиную.

Я последовал было за ним, но в ту же секунду замер. Ноги застыли, будто прибитые гвоздями к полу. Я вцепился в фотоаппарат и, боясь моргнуть, уставился на лестницу, ведущую на второй этаж. По ней стекал уже подсыхающий ручеек крови, собравшийся в небольшую лужицу в коридоре. Я медленно поднял глаза в поисках его истока и увидел длинные каштановые волосы, струящиеся вслед за багровым ручейком. Девушка, на вид лет семнадцати, лежала на ступеньках и, если бы не застрявшее между балясинами плечо, вероятно, скатилась бы вниз. Это первое, о чем я подумал: «А почему она лежит на лестнице? Разве она не должна оказаться внизу, если ее чем-то ударили, судя по открытой ране на макушке? Она должна была упасть и оказаться почти у моих ног. Ах, плечо, вот в чем дело». Через пару секунд я осознал, что это не фильм и я смотрю на тело девушки, которая еще недавно была жива. Ее пустые глаза глядели на вход, почти на меня, но в них не было жизни. Я будто ждал, что она сейчас моргнет и с криком вскочит,

расплываясь в улыбке, а все находящиеся в доме полицейские начнут надо мной смеяться, но секунды шли, а она не двигалась, глаза не мигали, и я тоже просто стоял.

В реальность меня вернули слова Заура:

— Ее потом. Аккуратно, телефон. — Он указал мне на телефон, очевидно, принадлежавший этой девушке, который лежал на полу рядом со мной.

Затем мы вошли в гостиную. Наверное, это был первый раз в жизни, когда я действовал, четко следуя командам. Я не знал, как реагировать на увиденное, я будто укрылся куда-то внутрь себя и позволил внешним обстоятельствам давать команды моему телу, а оно слушалось, пока я прятался где-то в уголочке своего сознания. Это происходило не со мной. Я был в другом месте: в машине, за рабочим столом, в родительском доме — где угодно, но не тут. А Заур говорил: «Иди», и тело мое шло, он говорил: «Заверни», я заворачивал, он говорил: «Фоткай», и я нажимал на кнопку на фотоаппарате.

— Вот, начни с него.

Мы оказались в гостиной. Стулья и посуда валялись на полу.

— Поснимай сперва его, потом все вокруг. Аккуратно, следы. — Заур отдавал мне команды, указывая на все интересные детали, а еще на пол, на котором я заметил явные кровавые следы, ведущие из гостиной туда, в коридор, к следующей жертве — девочке на лестнице.

Я прошел в конец гостиной.

— За диваном, — подсказал Заур, но мне не нужно было подсказок, потому что я уже увидел мужскую ногу в белом носке и в штанине спортивных брюк. Белый носок, само собой, уже не был белым.

Следовательно, скорее для себя, чем для меня, прокомментировал:

— Тут все началось... Походу, они тут разговаривали...

Завернув за диван, я увидел не совсем то, чего ожидал. Это было кровавое месиво. Тело со множеством колотых